XXXIX.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901

10.

Стр.

129. Изъ писемъ **А. Я. Булгакова** къ его брату. 1828-й годъ.

280. Записки **графа М. Д. Бутурлина.** 1839-й годъ.

229. Изъ Записокъ **М. С. Сабининой.** 1859 годъ.

251. Отзывъ Гёте о Русскихъ иконахъ.

253. Записка **К. Н. Батюшкова** къ В. А. Жуковскому.

256. Книжныя замѣтки **князя П. А. Вяземскаго.**

257. Письмо **М. П. Погодина** къ князю В. А. Черкасскому (по поводу его статьи о розгахъ).

258. Изъ воспоминаній **князя Д. Д. Оболенскаго** о Н. М. Барановѣ.

Въ приложеніи.

Дневникъ статсъ-секретаря Екатерины Великой А. В. Храповицкаго. (Указатель)

РОСТОВ... МУЗЕЙ

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1901.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ.

1859-й годъ *).

2-го Января вечеромъ я играла у великой княгини Ольги Николаевны. При этомъ были кронпринцъ, г-жа Ф.-Таубенгеймъ, г-жа Евелина Массенбахъ и фрейлина Ф.-Калденъ. Кронпринцъ добрый, но очень слабый человѣкъ. Съ отцомъ своимъ, королемъ, онъ былъ въ очень натянутыхъ отношеніяхъ, вслѣдствіе чего въ королевской семейной жизни было много столкновеній. Великая княгиня Ольга Николаевна очень добра и терпѣлива; безъ этихъ двухъ качествъ врядъ ли бы она выдержала жизнь въ Штутгартѣ. Ей пришлось пережить много тяжелаго, пока она не направила кронпринца на тотъ путь, по которому ему слѣдовало идти.

Всѣ наши праздники прошли очень оживленно: Русскіе устраивали ёлки между собою и тѣмъ утѣшались въ разлукѣ съ отечествомъ, которая никогда не бываетъ такъ чувствительна, какъ въ большіе праздничные дни. Я много играла, приготовляясь къ концерту, въ которомъ должна была играть «Capriccio» Мендельсона съ оркестромъ и «Poème d' amour» Гензельта.

10-го Января была репетиція съ оркестромъ подъ управленіемъ Кюккена; шло гладко и хорошо. Концертъ былъ назначенъ на слѣдующій день. Выхожу играть,—Кюккена нѣтъ, а дирижируетъ совсѣмъ незнакомый мнѣ человѣкъ. Какая причина побудила Кюккена такъ поступить, я не узнала; но извѣстно, что не слѣдуетъ играть съ оркестромъ, управляемымъ незнакомымъ дирижеромъ. Тѣмъ не менѣе отказаться играть я не могла, публика вся собралась, и, какъ я предвидѣла, капричіо не прошелъ гладко; во всякомъ случаѣ не по моей винѣ, такъ какъ я его знала наизустъ и давно играла. Листъ никогда бы не сдѣлалъ подобной вещи: разъ онъ взялся дирижировать, онъ бы довелъ дѣло до конца. Кюккенъ же дирижировалъ раньше и отошелъ отъ пюпитра, когда мнѣ пришлось играть. Со стороны враговъ «музыки будущности» можно было всего ожидать.

*) См. выше, стр. 49.

13-го Января. Утромъ я поздравила великую княгиню Ольгу Николаевну, которая принимала поздравленія жившихъ въ Штутгартѣ Русскихъ, по случаю Новаго Года.

Вечеромъ у нашего посланника Титова былъ bal masqué.

14-го Января. Я уѣхала изъ Штутгарта; Иванъ Ивановичъ Базаровъ сопровождалъ меня до Франкфурта.

Нѣсколько дней спустя, я была у Листа и давала ему отчетъ о своемъ пребываніи въ Штутгартѣ.

19-го Января вечеромъ у гросъ-герцогини Софіи былъ концертъ. И артисты, и программа были неинтересны; хотя въ числѣ приглашенныхъ были Бронсаръ и Лассенъ, но они не играли. Я играла, такъ какъ, будучи піанисткой великой герцогини Софіи, я всегда являлась, когда приказывали; но отсутствіе Листа и то обстоятельство, что никто другой изъ его учениковъ не принималъ участія въ концертѣ, были послѣдствіемъ несчастнаго эпизода съ оперой Корнеліуса. Положеніе гросъ-герцогской семьи было тоже болѣе, чѣмъ непріятно. Листъ сердился на публику, но чѣмъ же былъ виноватъ дворъ?

22-го Января. Утромъ нѣкоторые члены нашего пѣвческаго кружка и я пѣли въ протестантской церкви мотету Клейна «Herr Gott, du bist unsere Zuversicht».

Потомъ я поспѣшила въ нашу церковь, затѣмъ на музыкальное утро къ Листу. Вечеромъ шелъ Тангейзеръ. Листъ не дирижировалъ. Мы всѣ, его ученики и послѣдователи, какъ-то: Лассенъ, Бронсаръ, Алина Гундъ, Э. Генастъ, Эльвира Берггаузъ, Гильда Тегернштрёмъ и я, нашли лучшимъ провести эти часы вмѣстѣ, чѣмъ присутствовать на представленіи оперы Вагнера безъ Листа у дирижёрскаго пюпитра, и всѣ вечеромъ собрались у насъ. Листъ отсутствовалъ намѣренно, не желая болѣе тратить свои силы для публики, или вѣрнѣе для противной ему партіи, такъ грубо оттолкнувшей отъ себя такой молодой талантъ, какъ Корнеліусъ. Листъ имѣлъ право требовать, чтобы съ бо́льшимъ терпѣніемъ и снисхожденіемъ выслушали оперу, которую онъ счелъ нужнымъ назначить къ представленію. Не слѣдуетъ забывать, что Листъ далъ ходъ операмъ Вагнера въ то время, когда ни одинъ театръ Германіи не зналъ и часто не хотѣлъ слышать ихъ. Только изъ Веймара онѣ распространились и укоренились на всѣхъ сценахъ. Нельзя сказать, что въ Веймарскомъ театрѣ городскую и иногородную публику могла привлекать блестящая обстановка; нѣтъ, обстановка была болѣе, чѣмъ скромная, но что̀ привлекало въ этотъ храмъ искусства, это была геніальность Листа, который узнавалъ, поддерживалъ и давалъ ходъ не только генію Вагнера, но и болѣе скромному таланту, когда онъ, по мнѣнію Листа, заслуживалъ вниманія.

Публика видѣла, съ какими затрудненіями приходилось бороться Листу, чтобы достигнуть постановки новой оперы; она знала, какъ много дорогого времени онъ жертвовалъ на разучиваніе всего новаго въ музыкѣ, которое, безъ исключенія партій, было исполняемо имъ во время его дѣятельности въ Веймарѣ; она видѣла, какихъ онъ достигъ блестящихъ результатовъ и какое это должно было имѣть воспитательное вліяніе на слушателей. Эпизодъ съ Корнеліусомъ былъ горькимъ разочарованіемъ для Листа: онъ на дѣлѣ увидѣлъ, что всѣ его труды и усилія поднять публику въ музыкальномъ отношеніи оказались тщетными. Партіи, образовавшіяся вслѣдствіе новаго музыкальнаго переворота, начатаго Шуманомъ, Берліозомъ, Листомъ и Вагнеромъ, вызвали ожесточенную письменную борьбу, которая очень утомительно дѣйствовала на Листа и благодаря которой прекращались многія личныя сношенія. Придворный театръ есть прибѣжище для таланта, поэтому значеніе его намного выше значенія всякаго другого частнаго предпріятія. Когда стало извѣстно, что Листъ удаляется ото всякаго дальнѣйшаго участія въ общественномъ музыкальномъ мірѣ Веймара, началась письменная война. Шиканіе и свистки объяснялись тѣмъ, что публика была возмущена громкими и по ея мнѣнію неумѣстными овиціями, сдѣланными Корнеліусу одной маленькой партіей (подразумѣвались послѣдователи Листа). Прибавляли еще, что эти знаки неудовольствія не касались лично Корнеліуса.

26-го Января. Я была у Листа и нашла его возбужденнымъ и возмущеннымъ: видно было, что намѣреніе его заняться исключительно только собственными работами и своими учениками было рѣшеннымъ вопросомъ. 27-го Января. Давали вновь выученную оперу Моцарта «Похищеніе изъ сераля», которая не шла въ Веймарѣ съ 10-го Мая 1842-го года. Въ этой оперѣ много прекраснаго, но она отстала.

6-го Февраля. На музыкальномъ утрѣ Листа тяжелое чувство соединяло присутствовавшихъ: всѣ сознавали, что кончается золотая эпоха Веймара. Листъ смотрѣлъ на все какъ-то равнодушно, въ немъ не было уже того оживленія, того увлеченія, которыя характеризовали Веймарскій музыкальный міръ. Въ этотъ вечеръ шло вялое представленіе Лоэнгрина, подъ управленіемъ Штера.

Листъ отказался отъ Веймарскаго театра; онъ былъ огорченъ, и казалось не такъ скоро возьметъ въ руки капельмейстерскій жезлъ, но внѣшнее обстоятельство побудило его къ этому. Одинъ изъ любимыхъ его учениковъ, Гансъ фонъ-Бронсаръ, уже нѣсколько разъ игравшій въ придворныхъ концертахъ въ Мейнингенѣ, устроилъ тамъ концертъ въ пользу вдовъ членовъ капеллы; это и побудило Листа дирижировать этимъ концертомъ. Жители Мейнингена никогда не ви-

дали Листа въ качествѣ шефа оркестра, и понятно, что всѣ устремились въ концертъ Бронсара, такъ что для иногородныхъ потребовался экстренный поѣздъ. Но многимъ пришлось пріѣхать и уѣхать, не побывавъ въ концертѣ: не достало билетовъ для желающихъ. Въ программѣ концерта были и сочиненія Листа. Жители такого маленькаго города, какъ Мейнингенъ, знали только, что о сочиненіяхъ Листа говорятъ, какъ о музыкѣ непонятной и запутанной; но это не помѣшало имъ принять Листа, какъ великаго артиста, съ цвѣтами и вѣнками. Первое, что̀ играли, была симфоническая поэма Листа «Les Préludes»; слушатели, обыкновенно сдержанные, приняли ее восторженно: разомъ въ ихъ мнѣніи уничтожены были всѣ предубѣжденія противъ сочиненій Листа. Бронсаръ игралъ фантазію ф.-Шуберта, устроенную для фортепіано и оркестра Листомъ, Berceuse Шопена и Венгерскую рапсодію Листа; онъ игралъ чисто и хорошо. Концертъ Бетховена для скрипки классически хорошо исполнилъ Мейнингенскій капельмейстеръ Ботъ. Вторую часть концерта составляла безцѣнная фантазія Ганса ф.-Бронсара. Она состоитъ изъ пяти соединенныхъ частей: Зимняя пустырь, Предвѣстники весны, Сонъ любви, Жизненныя бури и Полетъ къ вѣчной веснѣ. Симфонія эта поэтическая вещь; особенно выдѣляются Сонъ любви и послѣдняя часть; если Бронсаръ будетъ продолжать писать въ этомъ духѣ, то въ будущемъ можно ожидать много хорошаго. Листъ дирижировалъ все: своимъ жезломъ онъ оживлялъ оркестръ и передавалъ ему свое вдохновеніе. Я вполнѣ въ правѣ сдѣлать такое замѣчаніе, такъ какъ часто слыхала одну и туже оперу или композицію подъ управленіемъ Листа и другихъ дирижеровъ. Послѣдніе ведутъ оркестръ, Листъ же на немъ играетъ.

21-го Февраля. Вечеромъ давали любимую комическую оперу нашей великой княгини «Сельскій цирюльникъ» (въ 2-хъ дѣйствіяхъ, музыка Шенка). Хотя эту оперу давно знали въ Веймарѣ, но ее вновь разучивали и ставили на сцену по иниціативѣ Дингельштедта, у котораго возникла мысль показать публикѣ всѣхъ возможныхъ цирюльниковъ, послѣ оперы Корнеліуса.

25-го Февраля. У Листа на музыкальномъ утрѣ между прочими были баталистъ ф.-Коцебу изъ Мюнхена съ женою и Бертольдъ Ауербахъ, извѣстный писатель. Его внѣшность чисто Еврейская и говоръ тоже; лучше знать его сочиненія, чѣмъ его самого лично.

2-го Марта. Я была у великой герцогини Софіи. Она много говорила о Листѣ и о необходимости замѣнить его, и заговорила о Бюловѣ. Я позволила себѣ возразить ей, что характеръ Бюлова таковъ, что можно предвидѣть постоянныя столкновенія, особенно съ медвѣжьимъ характеромъ Дингельштедта. Затѣмъ, въ политическомъ отно-

шеніи, Бюловъ противникъ маленькихъ Нѣмецкихъ государствъ, что̀ видно изъ анонимной брошюры, вышедшей изъ подъ его пера и напечатанной въ Парижѣ. Въ ней онъ совѣтовалъ Наполеону III послѣдовать примѣру его дяди, присоединивъ къ себѣ маленькія государства Германіи. Человѣку съ такими политическими убѣжденіями невозможно было бы поступить на службу въ такомъ маленькомъ государствѣ, какъ Веймарское, что̀ я и позволила себѣ сказать великой герцогинѣ Софіи, которая не знала, что онъ авторъ этой брошюры. Со стороны Бюлова подобная брошюра была непозволительна: какъ Нѣмецъ, онъ долженъ былъ бы сознавать, что только благодаря раздробленію Германіи, цивилизація и умственная жизнь такъ процвѣли въ ней, такъ какъ каждый владѣтельный князь старался поднять образованіе въ своемъ государствѣ выше, чѣмъ оно было у его сосѣда, и это общее ихъ соревнованіе приносило пользу ихъ подданнымъ.

4-го Марта. Насъ постигло большое горе: у нашего дорогаго отца сдѣлался первый ударъ всей лѣвой стороны тѣла, и, вѣроятно, это произошло благодаря небрежности нашего врача. Лѣтъ двадцать сряду, отецъ всегда пускалъ себѣ кровь весной и осенью. Въ эту весну врачъ, постоянно пользовавшій его, не согласился на это и потребовалъ, чтобы онъ оставилъ кровопусканіе. Вечеромъ отецъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ съ матерью и двумя дамами, а мы, дѣти, были въ залѣ съ супругами Поль; вдругъ вбѣгаетъ къ намъ одна изъ дамъ и говоритъ: «отцу вашему дурно, скорѣе за докторомъ». Пришли врачи, пустили кровь, на голову клали ледъ, который отецъ постоянно сбрасывалъ. Я ничего не понимала, что̀ съ отцомъ, никогда до того не видавъ апоплексическаго удара. На слѣдующее утро, когда пришелъ гофмаршалъ нашей великой княгини, чтобъ узнать о здоровьи отца, онъ просилъ меня выйти къ нему, чтобы услышать отъ меня подробности о состояніи больного, и черезъ него я узнала, что у отца ударъ. Вся тяжесть нашего положенія, въ случаѣ смерти отца (о чемъ я и прежде часто думала) теперь во всемъ своемъ ужасѣ представилась передъ моими глазами. Мысль о матери, остающейся безо всякаго состоянія съ десятью дѣтьми, изъ коихъ четверо еще не окончили своего образованія, приводила меня въ отчаяніе. Въ чужомъ краю, безъ родственниковъ и соотечественниковъ, что̀ будетъ? Мы старшіе могли кое-какъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, но младшіе оставались на рукахъ матери. Время наступало очень тяжелое.

6-го Марта. Наша великая княгиня пріѣхала къ намъ сама узнать о здоровіи своего духовника. Видѣть больного она не могла. Съ недѣлю онъ былъ безъ памяти, потомъ сталъ замѣтно поправляться. Къ счастію, погода была хорошая, и къ концу Марта мѣсяца отецъ

настолько поправился, что могъ выѣхать покататься. Предвидя, что отецъ не такъ скоро будетъ въ силахъ служить, наша великая княгиня приказала выписать изъ Висбадена священника Матѳѣевскаго, который въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ исполнялъ службу.

3-го Апрѣля. Наша великая княгиня пріѣхала къ отцу. Его очень мучила мысль, что онъ не можетъ исполнять требъ; но она его такъ милостиво успокоила, что онъ опять поднялся духомъ. Когда великая княгиня собиралась уѣхать, моя мать хотѣла проводить ее изъ кабинета; но великая княгиня, выйдя изъ дверей кабинета, очень быстро обернулась, заперла дверь на ключъ и положила ключъ себѣ въ карманъ, такъ что мать осталась запертою въ кабинетѣ. Мы сидѣли въ другой комнатѣ съ ея фрейлиной, Н. Ф.-Мандельсло, и проводили великую княгиню до экипажа, гдѣ она возвратила намъ ключъ отъ кабинета моего отца.

11-го Апрѣля. Наша великая княгиня и мы всѣ пріобщались у протоіерея Матѳѣевскаго; отецъ пріобщался дома у себя. Это былъ первый разъ въ жизни, что̀ я принимала св. таинство не изъ руки моего отца; если бы не было божественнаго утѣшенія, кто могъ бы смягчить мою грусть? Я чувствовала, что жизнь нашего добраго отца, не смотря на временное улучшеніе, склоняется къ концу. Нельзя сказать, что̀ мы всѣ перестрадали въ послѣдніе годы его жизни.

12-го Апрѣля. Листъ дирижировалъ концертъ, въ которомъ принимали участіе нашъ пѣвческій кружокъ, члены придворнаго театра и оркестра. Первымъ было исполнено «Разрушеніе Іерусалима Титомъ», кантата поэта Эдуарда Шюллера, написанная подъ вліяніемъ стѣнныхъ рисунковъ Каульбаха въ новомъ музеѣ въ Берлинѣ, музыка Эмиля Наумана. Вторая композиція принадлежала Нильсу Гаде (Gade), «Комала», драматическая поэма Оссіана. Музыка Гаде мнѣ очень понравилась: онъ остался вѣренъ своему Скандинавскому характеру, вотъ почему его музыка типична. Эта самостоятельность композитора удивительна въ наше время, когда въ музыкѣ у молодыхъ писателей или преобладаетъ космополитическій характеръ, или ощущается Еврейскій типъ. Третья исполненная вещь была баллада А. Уланда «Проклятіе пѣвца», обработанная Рихардомъ Полемъ, музыка Р. Шумана.

Въ этотъ день я познакомилась съ молодымъ деревенскимъ органистомъ Готшалькомъ, который перомъ, дѣломъ и словомъ одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ послѣдователей музыки будущности. Онъ получилъ воспитаніе въ семинаріи, но по окончаніи курса съ такимъ рвеніемъ самъ по себѣ изучалъ музыку и такъ отлично знаетъ, чего хочетъ, что занимаетъ очень хорошее мѣсто среди музыкальныхъ критиковъ.

29-го Апрѣля пріѣхалъ Кавказскій офицеръ Александръ Лазаревъ, потерявшій во время сраженія одну руку; надо полагать, что онъ также былъ контуженъ въ голову, потому что только при такомъ предположеніи можно объяснить его претензіи стать на одной высотѣ съ Бетховеномъ. Онъ привезъ съ собою свои партитуры, и Листъ имѣлъ терпѣніе играть ихъ съ нимъ. Онъ часто навѣщалъ моего отца, но я всегда избѣгала находиться въ его присутствіи: такія личности тяжело на меня дѣйствовали.

30-го Апрѣля. Вечеромъ я слышала «Преціозу» К. М. ф.-Вебера. Нельзя не сожалѣть, что такая прелестная музыка попала къ такому убійственному либретто.

9-го мая. Одинъ актеръ-пѣвецъ, обремененный большимъ семействомъ, давалъ концертъ, въ которомъ играли двѣ ученицы Листа, А. Гундъ и Г. Тегерстрёмъ. Первая изъ нихъ такъ боялась, что было грустно на нее смотрѣть. У нея была очень тонкая музыкальная натура: такія натуры не могутъ разсчитывать на успѣхъ у публики. Вспоминаю что́ Листъ разсказалъ мнѣ про Шопена. Шопенъ становился поэтомъ, когда игралъ на роялѣ. Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ далъ концертъ; но публика совсѣмъ не поняла его, такъ что, видя свою неудачу, онъ рѣшилъ никогда больше не принимать участія въ большихъ концертахъ и предался почти исключительно композиціи.

14-го Мая. Я поѣхала въ Іену навѣстить своихъ родителей, которые, для здоровья отца, должны были провести нѣкоторое время въ гористой мѣстности. Они жили тамъ у профессора Снелля (Snell); у него я увидѣла двухъ сыновей Р. Шумана, которые тамъ воспитывались. Отца я нашла укрѣпившимся, но скучавшимъ безъ дѣла.

На слѣдующій день (15-го Мая) я уже вернулась обратно въ Веймаръ: хотѣлось-бы подольше остаться съ моими родителями, но меня требовали назадъ уроки, давать которые меня очень утомляло, такъ какъ ихъ было черезчуръ много.

Я уже сдѣлала первую попытку написать оперу и сюжетомъ для нея выбрала сказку о Лорелеѣ, текстъ которой обработалъ для меня Паске въ Дармштадтѣ. Теперь я выбрала себѣ личность для оперы «Асторга» и поручила поэту Адольфу Штерну въ Дрезденѣ написать мнѣ текстъ. Онъ выполнилъ это очень добросовѣстно; но всегда трудно, чтобы двѣ головы думали одинаково. Вотъ почему, получивъ манускриптъ, я попросила Штерна сдѣлать въ немъ нѣсколько измѣненій, на что потребовалось опять время, а хотѣлось скорѣе работать.

16-го Мая. Были у меня Лассенъ и Таузигъ. Я съ ними просматривала тетрадь моихъ романсовъ (opus 3), которые вышли изъ печати. Они были посвящены Францу Листу, и на слѣдующій-же день я передала ихъ ему.

17-го Мая. Придя на Альтенбургъ, я застала въ музыкальномъ салонѣ Яеля (Yaell) и Таузига, которые играли симфоническую поэму Листа «Prometheus». Они играли такъ громко, что Таузигъ самъ нашелъ, что слишкомъ шумно, и они умѣрили немного свое увлеченіе и вскорѣ ушли. Листъ въ это время писалъ письма, и мнѣ пришлось немного подождать его; но вскорѣ онъ вошелъ, извиняясь, что заставилъ меня ждать. Получивъ отъ меня мой opus 3, онъ очень любезно сказалъ: «Мнѣ нравятся эти романсы, и я очень радъ назвать ихъ своей собственностью». Между разными разговорами, онъ мнѣ сказалъ про балладу, сочиненную Францемъ Дрезеке на слова Штрахвица»: «Во всей балладѣ музыкальное чувство очень благородное, особенно просто и красиво мѣсто при появленіи Брунгильды. Но для пѣнія это очень неблагодарная вещь, потому что фортепіанныя интермедіи, прорѣзающія пѣніе, слишкомъ длинны». На вопросъ Листа, поѣду-ли я въ Лейпцигъ на концерты и съѣздъ членовъ музыкальнаго общества (Tonkünstler-Versammlung), я ему отвѣчала, что, какъ членъ общества, я думала ѣхать, но, не получивъ печатнаго приглашенія, которое разослано другимъ, я не увѣрена теперь, слѣдуетъ-ли мнѣ ѣхать. На это Листъ не на шутку разсердился и сказалъ: «Это опять промахъ (maladresse) нашего друга Поля (P. Поль былъ секретаремъ это общества), который, я васъ увѣряю, приводитъ меня въ отчаяніе. Я терпѣть не могу людей, которымъ мнѣ приходится говорить: сдѣлайте то-то и вотъ такимъ-то образомъ. Лицамъ, съ которыми я друженъ, или къ которымъ привязанъ по привычкѣ ихъ видѣть, я люблю сказать: сдѣлайте, и конецъ; Полю-же нужно все растолковывать. Но я люблю Поля: онъ талантливый человѣкъ и теперь три года, что я стараюсь ему помогать работать, и надѣюсь, что онъ чего-нибудь достигнетъ».

Это музыкальное общество, членами котораго состояли не одни только музыканты, но и лица всѣхъ сословій, интересовавшіяся музыкой, образовалось по иниціативѣ Листа. Каждые два года общество это собиралось въ извѣстномъ музыкальномъ городѣ и присутствовало на цѣломъ рядѣ концертовъ, лекцій и т. д. Въ этомъ году сборнымъ пунктомъ выбранъ былъ Лейпцигъ, самый оппозиціонный пунктъ Листо-Веймарскому музыкальному направленію *).

*) Листа считаютъ Венгерцемъ, по мѣсту его рожденія (1811) въ деревнѣ Рейдингѣ. Не былъ ли онъ Венгерскимъ Словакомъ? П. Б.

Листъ показалъ мнѣ фотографію, снятую съ портрета княжны Маріи Витгенштейнъ, сдѣланнаго недавно Каульбахомъ; Листу очень понравилась его передача. Затѣмъ Листъ мнѣ сказалъ, что онъ окончилъ сочиненіе «Нагорной проповѣди», и что онъ хочетъ мнѣ ее сыграть. «Два года я ношу эту мысль въ себѣ и никакъ не могъ ее выполнить. Наконецъ недавно, по отъѣздѣ княгини, я себѣ сказалъ, что теперь я этимъ займусь, сѣлъ и написалъ, какъ вы ее теперь видите». Онъ сыигралъ и пропѣлъ мнѣ свое новое сочиненіе, которое произвело на меня глубокое впечатлѣніе; онъ былъ совсѣмъ блѣденъ, когда окончилъ, и сказалъ: «Въ этой вещи лежитъ вся моя душа. (Darin liegt meine ganzes Innere). Въ 10-мъ стихѣ самый высокій полетъ, потому что Царствіе Небесное ихъ. Я долго думалъ прибавить 11-й стихъ, ради одного слова, которое такъ хорошо звучитъ, но я оставилъ эту мысль: пусть оно окончится съ Царствіемъ Небеснымъ. Я выразилъ блаженства только однимъ голосомъ: нѣсколько голосовъ не могутъ этого передать, такъ какъ черезъ одного только человѣка—Іисуса Христа, мы получили спасеніе. Мое призваніе писать для церкви, это лежитъ во мнѣ. Въ моей Св. Елисаветѣ вы тоже найдете подобное настроеніе, но также и свѣтскія чувства, которыя вамъ понравятся». Листу доставило большое удовольствіе, что мнѣ понравились его «Блаженства». На стѣнѣ висѣла гравюра, изображавшая Св. Франциска, подъ нею напечатанныя слова С. А. Рачинскаго, къ которымъ я написала музыку. Указывая на это, Листъ сказалъ мнѣ: «Вотъ вашъ Святой Францискъ всегда передо мною».—«Мнѣ-бы хотѣлось его переработать», сказала я ему.—«Да», замѣтилъ онъ, «сдѣлайте его проще. Это самое трудное—писать просто, не сокращая при этомъ своей мысли. Я много писалъ, пока мало-по-малу не достигъ этого. Я знаю, что надъ моими сочиненіями смѣются; но и я могу надъ ними смѣяться.»—Далѣе я замѣтила, что, по моему, теперешній протестанскій церковный стиль отклонился отъ начертаннаго правильнаго пути, начатаго главнымъ образомъ Бахомъ. Листъ отвѣчалъ, что церковная музыка Мендельсона ему нравится, хотя, по правдѣ сказать, она слишкомъ мѣщанская, т. к. она не поднимается выше обыкновенныхъ понятій. «Мнѣ, какъ католику, очень трудно писать въ протестанской землѣ; а то бы я больше писалъ для церкви, потому что католикъ скорѣе чувствуетъ, въ чемъ недостатокъ. Но если бы я вздумалъ здѣсь высказать свое мнѣніе, мнѣ бы сказали: что онъ намъ толкуетъ о церковномъ пѣніи, онъ, который только пьетъ Шампанское! Извѣстно, что, будучи молодымъ человѣкомъ, Листъ очень любилъ Шампанское; но послѣ, въ сороковыхъ годахъ, онъ бросилъ эту привычку и, когда требовалось пить за чье-нибудь здоровье, онъ только дотро-

гивался до рюмки. Разговаривая про свою ученицу Ингеборкъ-Штаркъ, которая въ то время была невѣстой г. Ф. Бронсара, онъ сказалъ: «Въ ней есть матеріалъ, чтобы стать маленькой блестящей звѣздой; сперва я этого отъ нея не ожидалъ. Хотя въ мысляхъ мы чужды другъ другу, и вѣроятно это всегда такъ останется, но я ей очень преданъ и надѣюсь ей доказать, какъ я уважаю ея дарованіе, хотя это можетъ быть случится только гораздо позже».

20-го Мая, въ день столѣтія со дня кончины Генделя, Листъ дирижировалъ его ораторію «Іуда Маккавей», а наше пѣвческое общество исполняло хоры.

Листъ съѣздилъ въ Лейпцигъ для предварительныхъ приготовленій къ концертамъ во время пріѣзда членовъ Tonkünstler-Versammlung. Не смотря на свое мрачное настроеніе духа, онъ не отказался отъ подобной музыкальной дѣятельности, которая по его убѣжденію была необходима для болѣе широкаго распространенія музыкальныхъ произведеній. Какъ членъ этого общества, я тоже поѣхала 30-го Мая въ Лейпцигъ съ нѣсколькими нашими знакомыми дамами.

На слѣдующій день (31-го Мая) я дѣлала визиты Лейпцигскимъ музыкальнымъ представителямъ, профессору И. Мошелесу, доктору Гертелю, Лидіи Фреге, концертмейстеру Давиду и побывала въ пансіонѣ, гдѣ жила, когда брала уроки у К. Шуманъ. Всѣ приняли меня очень мило и любезно, но вездѣ высказывалось недовѣріе къ предпріятію Листа. Старые рутинные корифеи съ понятной гордостію принимали Листа, какъ представителя новой музыкальной эры; но къ этому чувству у нихъ примѣшивалось также и опасеніе, что Листу удастся отодвинуть на задній планъ то, что̀ въ то время стояло на первомъ планѣ.

1-го Іюня праздникъ начался концертомъ, первою частью котораго управлялъ капельмейстеръ А. Ф. Рицiусъ, а второю Ф. Листъ.

Программа была слѣдующая: I-я часть. 1) Увертюра «Морской покой и счатливое плаванье» Мендельсона; 2) прологъ—декламировала Ф.-Риттеръ, рожд. Вагнеръ; 3) Duo Ф. Шуберта,—Ф. Бюловъ и Ф. Давидъ; 4) арія изъ «Бенвенуто-Челлини» Берліоза,—пѣла Роза Ф.-Мильде; 5) увертюра Р. Шумана къ Манфреду. II-я часть. 1) Инструментальное введеніе къ «Тристану и Изольдѣ» Р. Вагнера (рукопись); 2) двѣ баллады Геббеля, муз. Р. Шумана, декламировала Ф.-Риттеръ; 3) дуетъ изъ Fliegende Holländer Р. Вагнера, исполнила чета Ф.-Мильде; 4) двѣ композиціи Шопена и Листа, исполнилъ Гансъ Ф.-Бюловъ; 5) Романсы Р. Франца, исп. Роза Ф.-Мильде; 6) Симфоническая поэма Листа «Tasso. Lamento e trionfo».

Появленіе такой программы въ Лейпцигѣ, гдѣ не отступили еще отъ своихъ музыкальныхъ преданій и стойко противились новымъ му-

зыкальнымъ вѣяніямъ Вагнера, Берліоза и Листа, казалось вызовомъ къ открытой войнѣ и вторженіемъ въ законныя границы города Лейпцига. Одинъ только Листъ могъ задумать такъ выступить, одинъ онъ могъ взять на себя всю отвѣтственность. Концертъ былъ исполненъ блистательно, и стали подниматься голоса не только противъ пресловутой Zukunftmusik, но и за геніальнаго ея направника.

2-го Іюня. Зашли ко мнѣ Александръ Николаевичъ Сѣровъ и С. А. Рачинскій; послѣдній часто пріѣзжалъ въ Веймаръ изъ Іены. Оба они цѣнили все хорошее и высокое въ искусствѣ и заѣхали въ Лейпцигъ, чтобы быть свидѣтелями первой болѣе сильной попытки добиться для музыки будущности гражданскихъ правъ въ Лейпцигѣ. Этотъ день начался (въ 10 ½ часовъ) музыкальнымъ утромъ, гдѣ между прочимъ піанистъ Яель (Yaell) исполнилъ «Hommage à Händel» Игнаса Мошелеса; вещь эта была вставлена въ честь присутствовавшаго композитора.

Въ 4 часа дня хоры и солисты исполнили въ церкви Св. Ѳомы обѣдню (Гранскую) Листа. Нельзя было требовать, чтобы съ перваго раза публика могла вполнѣ оцѣнить это выдающееся сочиненіе Листа; къ тому же надо прибавить, что большая часть публики въ то время еще была предубѣждена музыкальными критиками противъ Листа. Но онъ, вполнѣ посвященный въ исторію музыки, зналъ, что каждый шагъ впередъ въ развитіи искусства приходится завоевывать и потому не падалъ духомъ. Его главной цѣлью было достигнуть сліянія разныхъ музыкальныхъ партій и центровъ, разбросанныхъ по Германіи, для одного общаго дѣйствія въ пользу развитія музыки. До того всѣ эти отдѣльные двигатели работали въ очень ограниченномъ пространствѣ, или вовсе не признавая одинъ другого, или же признавая дѣйствительно достойнымъ только то, что временемъ признано было классическимъ.

Изо всѣхъ музыкальныхъ очаговъ одинъ только Веймаръ подвигался впередъ и признавалъ достойными композиторовъ ранѣе, чѣмъ они, надломленные борьбой, отходили на вѣчный покой. Такому маленькому государству, какъ Тюрингенское, не разъ суждено было быть колыбелью историческихъ реформъ и точкою исхода религіознаго, словеснаго и художественнаго развитія. Стóитъ только вспомнить происходившій въ средніе вѣка созывъ и соперничество миннезингеровъ на Вартбургѣ; тамъ же оказанное убѣжище Мартину Лютеру, для перевода имъ Библіи и распространенія протестантизма; царствованіе Карла Августа, окружившаго себя въ Веймарѣ литературными свѣтилами Германіи, которыя возродили Нѣмецкую литературу; наконецъ, музыкальную борьбу новѣйшихъ временъ въ Веймарѣ подъ руководствомъ

Листа, для ознакомленія и упроченія музыкальной драмы Вагнера и исходящаго изъ нея новаго направленія музыкальныхъ сочиненій. Для достиженія этой цѣли образовался и присоединился къ Листу кругъ музыкальныхъ критиковъ, которые стояли за музыкальную драму и словомъ и перомъ прокладывали ей путь. Они въ большомъ числѣ собрались въ ретроградный Лейпцигъ на «Tonkünstler-Versammlung», гдѣ 3-го Іюня было два собранія, одно утромъ, другое вечеромъ; на собраніяхъ этихъ читали лекціи, которыя окончились двумя лекціями А. Н. Сѣрова.

Предложенныхъ лекцій было слишкомъ много для назначеннаго времени, и изъ нихъ я слышала только чтеніе Ф. Бренделя («Путь къ единенію») и Вайцмана («Исторія гармоніи и ея главнѣйшіе моменты»), которыя читались 3-го Іюня, а вечеромъ того же дня слушала мессу І. С. Баха, для соло, хоровъ (пятиголосный), оркестра и органа. Благодаря трудности исполненія, очень рѣдко удается слышать большое сочиненіе Баха, и я была очень рада возможности присутствовать, во второй разъ, при ея исполненіи, подъ управленіемъ директора музыки К. Риделя. Мессу эту ежегодно исполняютъ въ Лейпцигѣ въ Великую Пятницу; но, сколько мнѣ извѣстно, это единственный городъ, который постоянно такъ чтитъ память великаго музыкальнаго генія. Ни до, ни послѣ Баха не было другого протестантскаго церковнаго писателя, подобнаго ему: онъ стоитъ среди всѣхъ, какъ гигантъ, и едва ли нашъ, раздробляющій человѣческія способности, вѣкъ дастъ кому-либо необходимую сосредоточенность силъ, ту стойкость вѣры и тѣ, хотя и весьма тяжелыя, особенности жизненныхъ обстоятельствъ, которыя способствовали Баху подняться на высшую ступень церковнаго писателя. Мессу онъ сочинилъ съ Латинскими словами, для бо́льшаго пониманія ихъ перевели, и ее поютъ по-нѣмецки; но для этого требуются музыкальная почва и знаніе отъ исполнителей. Двѣ части этой мессы «Kyrie» и Gloria» Бахъ сочинилъ въ 1733-мъ году, для Дрезденскаго двора, чтобы получить чинъ придвораго сочинителя курфюрста Саксонскаго. При исполненіи сочиненій Баха со стороны слушателей требуется большое вниманіе: если не стараться слѣдить и припоминать главныхъ мотивовъ въ началѣ всякой части, то, при удивительной ихъ разработкѣ, въ головѣ слушателя образуется такое хаотическое море звуковъ, что, вмѣсто возвышеннаго чувства, онъ сохранитъ о выслушанномъ очень неудовлетворенное чувство.

4-го Іюня. Классическое чувство, возбужденное вчерашнимъ исполненіемъ чудной композиціи Баха, смѣнилось сегодня музыкальнымъ утромъ, на которомъ исполняли сочиненія разныхъ композиторовъ, большей частью новѣйшихъ временъ. Между прочимъ играли: Гансъ

ф.-Бюловъ, игра котораго, по своей отчетливости, всего болѣе подходитъ къ сочиненіямъ классическаго характера; Давидъ, въ то время имѣвшій одного лишь соперника въ классической игрѣ на скрипкѣ І. Іоахима; братья Мюллеръ, составлявшіе извѣстный Мейнингенскій квартетъ братьевъ Мюллеръ. Безукоризненный ансамбль ихъ игры могъ быть достигнутъ только союзомъ четырехъ братьевъ, неразлучно жившихъ вмѣстѣ и въ теченіе многихъ лѣтъ изучавшихъ и передававшихъ всевозможныя квартетныя произведенія. Они вполнѣ заслужили пріобрѣтенную ими славу.

Послѣ музыкальнаго утра было еще нѣсколько чтеній, но я берегла свои силы для того, чтобы выслушать оперу Р. Шумана «Генофева», которая составляла достойное окончаніе Лейпцигскаго праздника. Эта единственная опера Шумана содержитъ въ себѣ такія музыкальныя красоты, что всякій, кто любитъ музыку, всегда съ особымъ удовольствіемъ будетъ ее слушать, несмотря на очень слабое либретто, переполненное недостатками сценическаго интереса.

Общее впечатлѣніе, вынесенное изъ Лейпцига, было чувство, что, хотя дозволили и потерпѣли вторженіе Zukunftmusik на Лейпцигскую классическую музыкальную почву, но до сліянія этихъ партій еще далеко. Всякая принудительная мѣра только обостряетъ обоюдныя отношенія; насиловать ихъ нельзя, это просто вопросъ времени. Стоитъ только вспомнить борьбу Пиччинистовъ и Глюкистовъ и время Монтеверде, когда не только сражались перомъ, но доносы, ядъ и кинжалъ вмѣшавались въ музыкальную войну.

5-го Іюня. На возвратномъ пути въ Веймаръ большая часть общества остановилась въ Мерзебургѣ, чтобы послушать тамъ игру органиста Энгеля на вновь исправленномъ органѣ, который дѣйствительно изящный инструментъ. Энгель игралъ хорошо и не дозволялъ себѣ воспроизводить на этомъ величественномъ инструментѣ никакихъ музыкальныхъ пошлостей, а строго придерживался его церковнаго назначенія. Но какъ хорошо ни игралъ Энгель, въ моихъ ушахъ звенѣла и вспоминалась игра профессора Тёпфера въ Веймарѣ. Въ мое время онъ былъ самый выдающійся органистъ. Онъ учился фортепіанной игрѣ у Гуммеля и подражалъ своему учителю, свободно фантазируя. При всякой возможности я не упускала случая быть въ протестантской церкви во время богослуженія, чтобы слышать его чудныя, возвышающія душу, импровизаціи на органѣ. Теперь этого не услышишь; по крайней мѣрѣ я не встрѣчала подобнаго дарованія.

11-го Іюня. Вечеромъ собрались у меня И. и Э. Штаркъ, Э. Генастъ, А. Гундъ, г-жа Поль съ мужемъ, Э. Лассенъ, г. ф. Бронсаръ, Таузигъ и Эльвира Бергаузъ. Въ этотъ вечеръ, кромѣ пріятныхъ раз-

говоровъ, занимались много музыкой, и вообще всѣ были въ самомъ веселомъ настроеніи духа, за исключеніемъ меня; хотя а старалась казаться веселой, но въ душѣ была очень озабочена опасеніями о здоровьи моего отца.

12-го Іюня. На музыкальномъ утрѣ на Альтенбургѣ. Послѣ обѣда мы собрались у г-жи Поль, гдѣ были Листъ, его дочь Козима ф.-Бюловъ, Э. Генастъ и Э. Бергаузъ. Двѣ послѣднія пѣли романсы Листа и разные мои печатные и рукописные. Любезный и разговорчивый Листъ, со своими интересными разсказами, всегда становился центромъ оживленія и разговора.

21-го Іюня. Я изучала съ Листомъ его симфоническую поэму «Die Ideale», которую онъ сыгралъ со мною въ четыре руки. Основой этого сочиненія служитъ поэма Шиллера «Die Ideale» и выписки изъ нея напечатаны, какъ мотто, въ началѣ разныхъ музыкальныхъ частей сочиненія Листа. Благодаря тому, что мысль, руководившая композиторомъ, когда онъ писалъ тему, выставлена, все сочиненіе ясно развивается передъ глазами играющаго и легко становится для него понятнымъ; если нѣкоторые не хотятъ понимать и говорятъ о хаотическомъ сочиненіи, то такъ могутъ говорить только изъ тенденціи люди, не желающіе трудиться надъ изученіемъ такой наглядной конструкціи и ясной композиціи, какъ «Die Ideale» Листа.

19-го Іюня. Наконецъ наши родители и сестры вернулись изъ Ильменау. Отецъ былъ еще очень слабъ, хотя общее состояніе его здоровья улучшилось. Такъ грустно было видѣть, какъ человѣкъ полный силъ и ума, благодаря физическимъ страданіямъ, сидитъ обреченный на бездѣйствіе, которое для отца моего было хуже всего. Онъ тосковалъ по работѣ, но врачи строго воспретили ему всякое занятіе. Онъ вернулся, желая отслужить для нашей великой княгини обѣдню и молебенъ въ день рожденія великаго герцога Карла Александра, 24-го Іюня. Вечеромъ мы узнали, что наша великая княгиня, жившая всегда въ Бельведерѣ, не такъ здорова, что̀ всегда давало поводъ безпокоиться. Впрочемъ, она писала отцу, что нѣтъ ничего особеннаго.

Великій герцогъ Карлъ-Александръ съ семьей проводилъ лѣто въ загородномъ дворцѣ «Ettersburg». Такъ какъ я давала уроки музыки его дочери, принцессѣ Маріи, то для этого за мной разъ въ недѣлю присылали придворный экипажъ.

Вторая дочь гросгерцога, принцесса Анна-Софія, рѣдко одаренный ребенокъ и съ очень добрымъ сердцемъ, была тоже моей ученицей и доставляла мнѣ много удовольствія своимъ прилежаніемъ и дарованіемъ. 26-го Мая этого (1859) года она скончалась отъ воспаленія мозга. Родители ея, совершенно успокоенные врачемъ, уѣхали

на недѣлю въ Дрезденъ и едва успѣли вернуться къ ея смерти. Гросъ-герцогъ много плакалъ въ послѣдній день ея жизни и былъ безутѣшенъ, что̀ совсѣмъ не въ его характерѣ. Гросгерцогиня выказала много силы воли и во все время тридцатичасовой ея агоніи сдерживала свое горе; но когда она закрыла глаза своей дочери, все горе ея прорвалось съ неудержимой силой. Наша великая княгиня, очень любившая свою внучку, очень по ней грустила, но несла эту скорбь съ христіанской покорностью.

23-го (11) Іюня, въ половинѣ пятаго, я выѣхала изъ Эттерсбурга, гдѣ давала урокъ принцессѣ Маріи. По шоссе меня перегнала гросъ-герцогская чета, ѣхавшая по направленію къ городу; это меня очень удивило, такъ какъ часъ ихъ обѣда былъ пять часовъ, и это было наканунѣ дня рожденія великаго герцога. Но едва доѣхала я до дому, какъ къ отцу моему изъ Бельведера пріѣхалъ гусаръ съ грустною вѣстью, что наша великая княгиня Марія Павловна неожиданно скончалась отъ удара, въ 5 ч. 15 м. пополудни. Вѣсть эта удручающимъ образомъ поразила всѣхъ насъ своей неожиданностью. Кромѣ личной скорби, мы еще боялись за отца, который только-что немного поправился. Мы съ нимъ сейчасъ же поѣхали въ Бельведеръ гдѣ скончалась великая княгиня. Войдя въ опочивальню новопреставленной, мы нашли ее лежащую на постели, съ выраженіемъ удивительнаго спокойствія. Вокругъ нея были и Русскія и Нѣмецкія камерфрау и камерюнгферы, которыя кончали ея туалетъ. Стали искать образъ, чтобы положить ей въ руки, но его нигдѣ не оказалось: она не дозволяла вѣшать ихъ у себя, не желая давать поводъ неумѣстнымъ толкованіямъ въ протестантской землѣ.

Когда собралась маленькая Русская колонія, вышла гросгерцогская чета, и началась первая панихида, во время которой горячія слезы лились въ память истинной матери своего второго отечества.

25-го Іюня пріѣхали: дочь покойной великой княгини, принцесса Августа съ супругомъ своимъ принцемъ Вильгельмомъ Прусскимъ (впослѣдствіи императоромъ); ихъ дочь гросгерцогиня Луиза Баденская, и ночью великая княгиня Марія Николаевна, Марія Максимильяновна и принцесса Викторія Прусская. Ночью бренные останки перевезли въ домовую церковь, находившуюся въ нашемъ домѣ; по волѣ усопшей, гробъ былъ закрытъ, и народъ допускался отъ 4-хъ до 8-ми часовъ вечера. Для отпѣванія прибыли протоіерей Янышевъ изъ Висбадена и И. И. Базаровъ изъ Штутгарта.

27-го Іюня. Въ 6 часовъ утра началась заупокойная обѣдня, а въ 8 ч. утра, при громадномъ стеченіи народа, послѣдовалъ выносъ тѣла изъ нашей церкви, и гробъ перевезли на протестантское кладби-

ще, гдѣ онъ былъ временно установленъ въ гросгерцогской усыпальницѣ. Въ 6½ часовъ вечера того же дня гросгерцогиня Софія вызвала меня къ себѣ въ Бельведеръ и своимъ теплымъ участіемъ старалась успокоить насъ. Дѣйствительно, положеніе наше было болѣе, чѣмъ тяжелое. Отецъ былъ такъ слабъ, что переѣхать съ нимъ въ Россію было немыслимо, а что будетъ съ нашимъ большимъ семействомъ, если онъ закроетъ глаза?

28-го Іюня. Видѣлась съ Листомъ, который послѣднее время, благодаря бракоразводному дѣлу княгини Виттгенштейнъ, всѣ болѣе и болѣе противъ всѣхъ ожесточался.

4-го Іюля. Послѣ обѣда И. Штаркъ, А. Гундъ и я были у Листа. Онъ намъ сыгралъ свое переложеніе «Stabat Mater» и «La Charité» Россини, потомъ просмотрѣлъ одно «Andante», написанное И. Штаркомъ, а затѣмъ балладу, написанную мною на слова А. Бубе. Листъ всегда радовался, когда, бывало, кто-нибудь изъ его учениковъ напишетъ что-нибудь новое. Увидя мою балладу, онъ сыгралъ ее съ большимъ интересомъ и, когда кончилъ, обернулся ко мнѣ и говоритъ: «dove?» *) Затѣмъ, взявъ красный карандашъ, который всегда у него былъ наготовѣ, онъ сдѣлалъ нѣсколько гармоническихъ измѣненій. Я напечатала эту балладу послѣ того.

15-го Іюля. Утромъ я поѣхала въ Вильгельмсталь, занималась тамъ съ герцогиней Маріей и затѣмъ была у великой герцогини Софіи, а 17-го вернулась въ Веймаръ. Въ этотъ день въ протестанской церкви была служба въ память нашей великой княгини. Потомъ была я у Листа. Назерони изъ Неаполя игралъ у него свои: Тарантелу, фантазію и финалъ оперы; музыка его очень легкая и совсѣмъ не подходившая къ Веймарскому духу. Послѣ этого Листъ сѣлъ за рояль и съ Ф. Бренделемъ сыгралъ въ 4 руки Тарантеллу Бренделя и свой маршъ, и затѣмъ одинъ—свое переложеніе пѣсенъ Шопена. На слѣдующій день вечеромъ пѣла у меня г-жа Лаврова, которая въ 1857-мъ году участвовала въ моемъ концертѣ въ Петербургскомъ Университетѣ. У нея было звучное сопрано и школа Итальянская. Листъ игралъ великолѣпно и, какъ всегда, всѣхъ очаровалъ.

19-го Іюля. Ко мнѣ зашелъ Листъ, и затѣмъ мы вмѣстѣ пошли къ А. Гундъ, гдѣ Э. Бергаузъ спѣла нѣкоторые изъ его романсовъ.

20-го Іюля. Урокъ у Листа. Онъ игралъ свою Тарантеллу изъ «Фенеллы» Обера; И. Штаркъ сыграла свое Andante. Листъ далъ мнѣ на домъ свои симфоническія поэмы въ 4 руки, чтобы я сдѣлала ихъ корректуру.

---

*) До тѣхъ поръ я писала только или духовныя вещи, или маленькіе лирическіе романсы.

22-го Іюля. Я поѣхала въ Ильменау, гдѣ мои родители, для здоровья отца, проводили остальную часть лѣта: надѣялись, что горный воздухъ и сосновый лѣсъ укрѣпятъ его слабый организмъ. Врачъ предписалъ большія прогулки, и мы, сколько было возможно, скитались по чуднымъ лѣсамъ и конечно не преминули посѣтить охотничій домикъ великаго герцога Карла Августа, который вмѣстѣ съ Гёте уединялся въ этомъ домикѣ, гдѣ на оконномъ стеклѣ Гёте вырѣзалъ свои чудные стихи «Ueber allen Wipfeln ist Ruh».

26-го Іюля я вернулась въ Веймаръ и, пробывъ тамъ два дня, 28-го поѣхала въ Вильгельмсталь, гдѣ гросъ-герцогиня желала, чтобы я провела у нея нѣкоторое время. Но этому не было суждено исполниться: пришло грустное извѣстіе о печальномъ состояніи здоровья моего брата Ивана, ожидали его пріѣзда въ Веймаръ, а также и возвращенія туда моихъ родителей; все это требовало моего возвращенія въ Веймаръ. Великая герцогиня Софія при этомъ выказала столько горячаго участія, что я все больше и больше къ ней привязывалась.

29-го Іюля. Ихъ высочества взяли меня съ собою на Вартбургъ, гдѣ мы завтракали въ Sängerhalle. Какъ это все художественно и чудно исправлено и возстановлено по имѣющимся рисункамъ!

30-го Іюля вечеромъ я вернулась въ Веймаръ, чтобы встрѣтить моихъ родителей, которые вскорѣ пріѣхали изъ Ильменау.

31-го Іюля. Посѣтилъ меня Листъ; вечеромъ зашли ко мнѣ И. Штаркъ съ сестрою и Э. Лассенъ. Всѣ раздѣляли наше горе о бѣдномъ братѣ, котораго всѣ очень любили. *)

Отецъ настолько окрѣпъ, что въ сороковой день (1-го Августа) отслужилъ панихиду по нашей усопшей великой княгинѣ, а 3-го Августа царскій молебенъ. Вообще всѣ дни, въ которые совершались службы при жизни нашей великой княгини, соблюдались и теперь.

5-го Августа была опять панихида, на которой присутствовалъ гросъ-герцогъ, и его высочество былъ такъ милостивъ, что дозволилъ моему батюшкѣ вернуться въ Ильменау, такъ какъ погода стояла теплая и хорошая.

11-го Августа. Все обычное музыкальное общество собралось у Листа, чтобы слушать, какъ онъ будетъ играть сочиненія присутствовавшаго при этомъ А. Лазарева, который страшно ему надоѣдалъ.

15-го Августа были именины молодой княжны Виттгенштейнъ; я пришла ее поздравить и осталась у нихъ на déjeuner dînatoire. Кромѣ Лассена не было никого изъ постороннихъ. Княжна была помолвлена за князя Константина Гогенлоэ, младшаго брата герцога Ра-

*) У него одновременно начались чахотка и умственное разстройство. *Е. Т.*

тибора и кардинала Гогенлоэ. Всѣ, знавшіе княжну, очень жалѣли, что она покидаетъ Веймаръ: она какъ бы вносила поэзію на Альтенбургъ. Въ этотъ вечеръ у княгини Витгенштейнъ приглашены были всѣ выдающіеся художники, какъ Преллеръ, Дженелли и др. и весь музыкальный кружокъ Листа. Между прочими вещами пропѣли «Блаженства» и «Св. Франциска» Листа.

19-го Августа пріѣхалъ несчастный братъ мой. Онъ былъ спокоенъ, но врачъ требовалъ, чтобы отъ него было удалено все, что могло бы служить орудіемъ для самоубійства, такъ что столъ у насъ накрывался безъ ножей, и все похожее на оружіе было спрятано. Онъ казался совсѣмъ спокойнымъ, но въ мысляхъ его было полное затменіе, хотя онъ узнавалъ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ своихъ друзей, напримѣръ Листа, который пришелъ его навѣстить.

Нашъ Веймарскій врачъ настаивалъ на необходимости помѣстить его въ заведеніе для душевно-больныхъ. На мою долю выпала тяжелая обязанность сопровождать его къ доктору Герцу, близъ Штетерица въ Саксоніи. Пріѣхавъ туда, я въ первый разъ въ жизни провела вечеръ въ многочисленномъ обществѣ душевно-больныхъ, которые, собравшись въ гостиной, играли, пѣли и т. д. Господи! Какое это на меня произвело грустное, удручающее впечатлѣніе, по сей день не могу его забыть. Простившись съ братомъ, я уѣхала безъ малѣйшей надежды на его выздоровленіе, такъ какъ кромѣ умственнаго разстройства у него развивалась и чахотка. Дѣйствительно, онъ прожилъ еще всего полгода и не приходилъ въ себя съ возвращенія своего изъ Рима.

Въ концѣ Сентября нашъ бѣдный больной вернулся къ намъ изъ Лейпцига. Врачъ прислалъ его, такъ какъ приступы отчаянія прошли; но умъ его затуманился еще больше, и онъ было такъ слабъ, что больше не вставалъ съ постели. Что особенно тяжело подѣйствовало на моихъ родителей, это что, за исключеніемъ сестры Магдалины, которая ухаживала за нимъ съ помощью сидѣлки, онъ никого изъ насъ не хотѣлъ видѣть. Онъ не допускалъ къ себѣ ни родителей, ни сестеръ, ни братьевъ и, когда мы его посѣщали, бывалъ въ такомъ волненіи, что докторъ запретилъ намъ входить къ нему и, зная, что подобныхъ больныхъ всего болѣе раздражаетъ видъ ихъ близкихъ, мы не смѣли болѣе пытаться его видѣть и увидѣли его только въ послѣдніе часы его жизни. Когда я вернулась, исполнивъ возложенное на меня трудное положеніе, Листъ посѣтилъ насъ, желая узнать, какъ я это перенесла. Вообще во всѣхъ слояхъ общества намъ было выказано большое сочувствіе.

3-го Сентября. У насъ опять былъ Листъ съ молодой княжной Виттгенштенъ и съ ея вѣрной воспитательницей, miss Андерсонъ.

4-го Сентября. Лазаревъ принесъ Листу на разсмотрѣніе свою партитуру «Цвѣты», написаную, по его словамъ, въ новомъ направленіи Славянской музыки. Это была такая чепуха, что о ней лучше молчать. Въ этотъ день на музыкальномъ утрѣ Листа присутствовалъ поэтъ Ф. Геббель, умный, живой собесѣдникъ.

8-го Октября. Моего отца навѣстилъ извѣстный книгоиздатель г. Брокгаузъ. Въ болѣзненномъ своемъ состояніи и безпокойствѣ о будущности дѣтей, отецъ только и думалъ о продажѣ своей большой библіотеки, въ которой особенно обширные и рѣдкіе были отдѣлы историческій и богословскій. Библіотеку эту онъ собиралъ въ теченіе почти полъ-вѣка. Сначала онъ предложилъ ее С.-Петербургской духовной Академіи и Библіотекѣ; но ему отвѣчали отказомъ. Тогда онъ сошелся съ Брокгаузомъ, который за безцѣнокъ, около тысячи рублей, пріобрѣлъ ее для Нью-Іорка. Густно было смотрѣть на упаковку и отправку этихъ книгъ, изъ которыхъ многія составляли наше любимое чтеніе во дни юности и дороги были намъ по воспоминаніямъ; къ этому числу принадлежали всѣ описанія путешествій и сочиненія историческія и литературныя.

9-го Октября. Музыкальное утро у Листа. Между прочимъ онъ сыгралъ свою музыку къ Festspiel Фр. Гольма, «Сто лѣтъ назадъ», ко дню столѣтняго юбилея со дня рожденія Шиллера. Листъ сочинялъ музыку къ поэмѣ, влагая подходящія народныя пѣсни. Ген.-интенд. Дингельштедтъ сдѣлалъ проектъ празднества, состоявшій изъ представленія лучшими актерами Германіи всѣхъ драматическихъ сочиненій Шиллера, въ хронологическомъ порядкѣ, какъ онѣ были написаны. Но въ Ноябрѣ всѣ театры обыкновенно уже начинаютъ свой зимній сезонъ, и всѣ артисты должны быть на своихъ мѣстахъ, поэтому отпускъ лучшихъ актеровъ въ Веймаръ могъ встрѣтить затрудненія, и ради этого рѣшили перенести праздникъ на Іюнь мѣсяцъ, во время лѣтнихъ каникулъ. Къ тому же день рожденія великаго герцога Карла Александра, покровителя предполагаемаго праздника, 24-го Іюня. Рѣшено было играть по слѣдующей программѣ: 11-го «Разбойники»; затѣмъ освѣщеніе памятника Гёте и Шиллера передъ театромъ и факельное шествіе отъ театра къ дому Шиллера, а затѣмъ ко дворцу; 13-го Іюня «Фіески»; 15-го «Кабала и Любовь»; 17-го «Донъ Карлосъ»; 19-го «Колоколъ», какъ лирическій эпизодъ съ живыми картинами и музыкой и съ эпилогомъ къ нему Гёте, и «Лагерь Валленштейна»; 21-го «Пикколомини» и 22-го «Смерть Валленштейна»; 24-го «Марія Стюартъ»; 26-го «Орлеанская дѣва»; 28-го Мессинская невѣста»; 30-го «Вильгельмъ Телль», съ написаннымъ по этому случаю прологомъ, музыку къ которому сочинилъ Францъ Листъ; а затѣмъ должны были исполнить

9-ю симфонію Бетховена. Въ дальнѣйшемъ офиціальномъ объявленіи читали слѣдующія характеристичныя слова, имѣвшія отношеніе къ распрѣ между Листомъ и Дингельштедтомъ: «Ясно, что гросъ-герцогскій Веймарскій генералъ-интендантъ придворнаго театра и придворной капеллы не желаетъ и не можетъ изъ этого предпріятія дѣлать финансовую спекуляцію, но излишекъ дохода назначаетъ пополамъ въ пользу учрежденій Шиллера и Общества постоянства, Perseverauz *)». Далѣе Дингельштедтъ предполагалъ, что пріѣзжіе актеры не потребуютъ вознагражденія, соотвѣтствующаго ихъ славѣ, но всѣ согласятся принять за вечеръ по 50 талеровъ за роль; а такъ какъ предполагалось, что каждый выступитъ по три раза, то назначенный гонораръ покроетъ издержки путешествія и пребыванія въ Веймарѣ. Но въ случаѣ, если почетное вознагражденіе интенданства окажется недостаточнымъ для актеровъ, «великій герцогъ предоставляетъ себѣ право, по своему благоусмотрѣнію, выразить высочайшую признательность дополненіемъ недостаточнаго вознагражденія». Но эти, предполагавшіяся въ Веймарѣ, большія празднества отложены были ради общаго траура, по случаю кончины великой княгини Маріи Павловны. По всей Германіи 10-го Ноября праздновали столѣтній день рожденія Шиллера; въ Веймарѣ же ограничились шествіемъ къ гросъ-герцогскому мавзолею, гдѣ покоятся бренные останки Шиллера. Въ театрѣ дали его драму «Die Braut von Messina» и освѣщали его домъ.

14-го Октября. Кружокъ почитателей молодой княжны Маріи Витгенштейнъ, передъ отъѣздомъ ея изъ Веймара, поднесъ ей (черезъ меня), на память, большой альбомъ со стихами, рисунками и музыкальными сочиненіями. Это было наканунѣ ея свадьбы съ княземъ Константиномъ Гогенлоэ, и она совсѣмъ переѣзжала на жительство въ Вѣну. Объ отъѣздѣ ея искренно сожалѣли всѣ ее знавшіе; на собраніяхъ княгини Виттгенштейнъ она была поэтична, какъ цвѣтокъ, и вокругъ нея группировались всѣ любители изящнаго и цивилизаціи.

15-го Октября свадьба ея состоялась въ католической церкви. Она страстно любила свою мать и Листа, и ей стоило горькихъ слезъ разлука съ этимъ очагомъ ея юности. Впослѣдствіи князь Константинъ Гогенлое сдѣлался гофмаршаломъ Австрійскаго двора и, такъ какъ они жили въ Вѣнѣ, то каждый разъ, что̀ мнѣ случалось тамъ бывать проѣздомъ, я неминуемо посѣщала княгиню.

15-го Октября. Я уѣхала въ Ейзенахъ, гдѣ провела недѣлю у Анны фонъ Ейхель, и вернулась въ Веймаръ 22-го Октября, въ день рожденія Листа. Отъѣздъ княжны Виттгенштейнъ былъ еще слишкомъ

*) Литературное общество.

близокъ, и Листъ предпочелъ провести вечеръ у насъ, въ тѣсномъ кругу друзей; кромѣ него были Лассенъ, Козима фонъ-Бюловъ (дочь Листа) и miss Андерсенъ.

9-го Ноября. Электричество, которое четверть вѣка спустя произвело такой сильный переворотъ въ промышленности и вообще въ жизни, являлось какой-то новинкой. Передъ театромъ устроили электрическое солнце и показывали его за деньги.

14-го Ноября. Я поѣхала въ Цвикау, родной городъ Р. Шумана, чтобы участвовать въ концертѣ тамошняго музыкальнаго кружка. На станціи желѣзной дороги я была встрѣчена членомъ комитета докторомъ Менціусомъ, Листомъ, Ф. Риттеръ (рожд. Вагнеръ) и ея мужемъ.

По окончаніи Прометея съ восторгомъ привѣтствовали Листа. Концертъ былъ удачный, и благодарная публика Цвикау чествовала Листа серенадой.

Городъ Цвикау извѣстенъ каменноугольными копями и своими желѣзными издѣліями и фабриками. Для насъ устроили интересное зрѣлище, показавъ намъ, какъ сплавляютъ рельсы. Въ громадномъ помѣщеніи весь полъ былъ устланъ формами рельсъ, для принятія расплавленнаго металла изъ печи, находящейся на одномъ концѣ помѣщенія. Когда мы вошли въ залу, въ ней было холодно; но какъ только что открыли двери печи и изъ нея во всѣ формы разлилась широкая полоса огненной массы, стало тропически жарко. Видъ этой разливающейся огненной массы имѣлъ что-то величественное. Вскорѣ мы оставили это помѣщеніе, такъ какъ невозможно было дышать. Радушный хозяинъ фабрики показалъ намъ свои пальмовыя оранжереи, устроенныя надъ литейнымъ заводомъ, для отопленія которыхъ пользуются излишнимъ жаромъ фабрики; этотъ жаръ способствуетъ выращиванію такихъ экземпляровъ, какіе рѣдко можно встрѣтить.

17-го Ноября. Мы разстались со своими радушными хозяевами: Риттеръ съ женою возвратился въ Дрезденъ, а Листъ и я въ Веймаръ.

26-го Ноября. Таузигъ вернулся изъ Украйны и вечеромъ пришелъ къ намъ съ Листомъ. Послѣдній его очень любилъ и относился къ нему, какъ отецъ къ сыну, отлично понимая и предчувствуя, какъ геніально можетъ развиться его талантъ. На слѣдующій день на музыкальномъ утрѣ у Листа игралъ и Таузигъ; не могу сказать, какъ величественно онъ сыгралъ фантазію (F-moll) Шопена: это было гигантское цѣлое.

1-го Декабря. Листъ и Таузигъ были у меня. Я должна была ѣхать въ Эрфуртъ, чтобы играть въ концертѣ, который давали, чтобы почтить память умершаго музыкальнаго ветерана, скрипача Л. Шпора

Тяжело было на душѣ, тѣмъ болѣе, что наканунѣ у несчастнаго больного брата моего Ивана было сильное кровохарканье; а между тѣмъ необходимо было думать о томъ, какъ бы какъ можно больше развить свои музыкальныя способности, а узнать свои силы можно только представивъ ихъ на судъ публики. Чтобы мнѣ не было слишкомъ одиноко, моя сестра Магдалина и братъ Андрей пріѣхали къ концерту, который сошелъ очень благополучно.

Гросъ-герцогиня Софія прислала ко мнѣ свою фрейлину, чтобы сообщить мнѣ о смерти Т. фонъ-Шеве, мужа моей подруги Тони; извѣстіе это поразило меня какъ громомъ.

13-го Декабря. Изъ Парижа пришла депеша о смерти богато-одареннаго сына Листа, Даніэля, скончавшагося отъ чахотки. Въ тотъ же вечеръ у моей сестры Нади сдѣлался сильный припадокъ круппа; въ теченіе почти цѣлой недѣли возобновлялось задыханіе, и она была между жизнью и смертью, а когда поправилась, на всю жизнь осталась съ хриплымъ голосомъ.

26-го Декабря. Я поѣхала въ Ейзенахъ, гдѣ на слѣдующій день былъ концертъ, въ которомъ пѣли мою Св. Елизавету, писанную для хора и соло. Кромѣ того пѣла Э. Генастъ, игралъ скрипачъ Грюнъ со мною и я одна.

27-го Декабря. Я посѣтила Вартбургъ; и зданіе, и окрестности такъ поэтично настраиваютъ.

28-го Декабря. Была у г-жи Швендлеръ, рожд. Галаховой, жившей всегда въ Ейзенахѣ, а вечеромъ вернулась въ Веймаръ.

31-го Декабря. Утромъ Листъ приходилъ поздравить моего отца со днемъ рожденія. Вечеромъ мы зажгли ёлку, которую до того дня все откладывали по случаю болѣзни Нади. Теперь, благодаря Бога, она была уже на ногахъ, и рѣшили въ этотъ вечеръ порадовать ее ёлкой. Сюрпризомъ явился къ намъ Листъ и своей любезностью немало содѣйствовалъ пріятному проведенію вечера.